

Предисловие Ричарда Боулби

Когда в 1979 году мой отец опубликовал этот сборник, я и не подозревал, что он станет классикой. В то время я работал медицинским фотографом и одолел примерно половину его трехтомного труда «Привязанность, сепарация и утрата» (Attachment, Separation and Loss)¹ — скорее из сыновнего долга, чем из подлинной жажды знаний. Мы жили по соседству с моими родителями, и, чтобы увильнуть от обязанностей по уходу за детьми, я часто заходил к отцу обсудить события дня. Разговор обычно сводился к идеям, о которых он писал (и к нашим детям). Это продолжалось — с перерывами — до конца его жизни. Первые масштаб его работы поразил меня во время семейной прогулки по Чилтерн-Хилс примерно в 1958 году, сразу после того, как была опубликована его статья «Природа связи ребенка с матерью». Он сказал мне: «Ты знаешь, как страдают маленькие дети, если теряются и не могут найти маму, и как продолжают искать? Так вот, я подозреваю, что это то же чувство, которое испытывают взрослые, когда умирает любимый человек: они тоже продолжают искать. Думаю, это один и тот же инстинкт, который зарождается в младенчестве, развивается на протяжении всей жизни и становится частью взрослой любви».

Помню, я тогда подумал: «Ну, если ты прав, то ты нащупал что-то по-настоящему грандиозное!»

Мой отец очень хотел, чтобы как можно больше людей извлекли пользу из его публикаций, посвященных тому, что он узнал о формировании аффективных связей и о том, как их разрыв влияет на психическое здоровье. Однако позже он был разочарован и даже несколько огорчен тем, с какой неохотой люди применяли его идеи в клинической практике. Он мог объяснить, в чем причины такого сопротивления, но, как мне кажется, не учитывал ни того, насколько близко к сердцу воспримут его идеи клиницисты, ни того, насколько тревожными могут оказаться его выводы. За эти годы теория привязанности подверглась множеству критических нападков — думаю, по большей части в силу того, что она способна задеть наши самые чувствительные струны, иногда возвращая болезненные воспоминания, которые мы предпочли бы стереть. Наше самоощущение во многом зависит от нескольких близких отношений привязанности, которые есть или были у нас, и особенно с человеком, который нас вырастил. Эти мощные отношения, надежные или не очень, полные любви или пренебрежения, имеют для нас глубокое значение, и нам необходимо яростно защищать их идеализированный образ; может, они и не так уж хороши, но это все, что у нас есть!

Похоже, у людей выработалась врожденная способность обнаруживать все, что может дестабилизировать эти жизненно важные отношения привязанности, и информация о теории привязанности активирует бессознательные механизмы защиты. Как будто понимание сути

этих отношений может как-то им угрожать: чем яснее информация, тем быстрее и энергичнее задействуется защита. Поэтому неудивительно, что за 45 лет, прошедших с момента публикации статьи о «связи ребенка с матерью», теория привязанности так и не была принята многими людьми.

К 1979 году, структурировав эти семь лекций в книгу, отец уверился в валидности своих идей, теории привязанности в частности. Процедура «Незнакомая ситуация», разработанная Мэри Эйнсворт, к тому времени уже хорошо зарекомендовала себя и давала статистически значимое подтверждение его идеям. Незадолго до его смерти в 1990 году начало утверждаться «Интервью о привязанности для взрослых» (Adult Attachment Interview), разработанное Мэри Мэйн, и появилось несколько лонгитюдных исследований, которые выглядели очень многообещающе. Это порадовало душу отца. Впоследствии эти исследования дали недвусмысленные данные, подтверждающие его объяснения и расширяющие теорию привязанности на новые области.

Хотя в этом сборнике Джон Боулби почти не упоминает роль отцов, читателей вряд ли удивит тот факт, что мне любопытен его взгляд на отцовство. В своей ранней книге «Забота о ребенке и рост любви»², опубликованной издательством Penguin Books в 1953 году, он пишет о роли отцов: «В глазах маленького ребенка отец играет вторую скрипку, и его ценность возрастает лишь по мере того, как он все лучше может стоять на собственных ногах... Поэтому в дальнейшем мы будем постоянно ссылаться на отношения матери и ребенка, а об отношениях

с отцом расскажем мало; его ценность как экономической и эмоциональной опоры матери подразумевается»*. Таков был его опыт отношений с собственным отцом — выдающимся хирургом, родившимся в 1856 году; человеком глубоко викторианской этики, который редко видел своих шестерых детей и вообще не общался с ними во время Первой мировой войны (мой отец родился в 1907 году). Однако к восьмидесяти годам отец пересмотрел свой взгляд на роль отцов, включив сопровождение детей в их исследовании мира; но я не уверен, что он осознавал, насколько значимыми окажутся отцы как фигуры привязанности именно для поощрения исследования и воодушевления.

В 2002 году Карин Гроссманн и ее коллеги³ опубликовали результаты лонгитюдного исследования в Германии под названием «Уникальность отношений привязанности ребенка к отцу: чуткая и стимулирующая игра отцов как ключевая переменная в 16-летнем лонгитюдном исследовании». Среди широкого спектра других измерений наблюдалась чуткость отцов как увлекательных и бросающих вызов партнеров по играм, когда детям было 2 года и 6 лет. Проанализировав данные, авторы обнаружили мощный эффект объединения ресурсов матерей и отцов. Самое высокое социальное функционирование молодых мужчин и женщин из этой когорты в возрасте 16 и 22 лет предсказывалось в тех случаях, когда матери обеспечивали своим детям постоянную надежную базу, ценили их

---

* Из книги Джона Боулби *Child Care and the Growth of Love* (Penguin Books. 1990. P. 15). Copyright © John Bowlby, 1953, 1965. Воспроизводится с разрешения Penguin Books Ltd. *Прим. ред.*

и принимали их стремление к исследованию, а отцы проявляли чуткость во время увлекательной и стимулирующей интерактивной игры (не слишком скучной, но и не слишком пугающей, а в меру воодушевляющей).

Чтобы объяснить результаты «высокого социального функционирования» у этих людей, авторам пришлось сделать равный акцент как на потребности ребенка играть и исследовать мир с отцом, так и на его потребности в постоянной надежной базе (матери). И хотя эти данные не были воспроизведены в других работах, можно, опираясь на них, сделать предположение, что исследование, радость и воодушевление могут быть главной мотивацией детей (как видно из их желания вернуться к исследованию в процедуре «Незнакомая ситуация») и что надежная база — трамплин, который облегчает их исследовательскую активность.

Такие открытия необходимо ассимилировать в теорию привязанности, но это могло бы стать проблематичным, назови ее отец «теорией Боулби». Он очень старался не связывать свое имя с ней и однажды за ужином спросил семью, как ему ее назвать. Сам он склонялся к варианту «теория привязанности» (ему уже не нравилось название «связь ребенка с матерью»), а мы все застонали и спросили: «Почему бы тебе не назвать ее “теорией любви”?» Но он ответил нам, что любовь гораздо сложнее, чем этот весьма специфический биологический механизм защиты, над которым он работал. Позже он объяснил мне, что зарождающуюся теорию обычно называют именем человека, но тогда после его смерти ее нередко ожидает застой. Он был убежден, что теория должна «выплыть

или утонуть в зависимости от ее способности объяснять наблюдаемые данные», и часто говорил: «Если новые и надежные данные не вписываются в существующую теорию — меняйте теорию, чтобы учесть их».

Я уверен, что тема этой книги имела для моего отца глубокое личное значение. В раннем детстве за ним ухаживала ласковая молодая няня по имени Минни, но она покинула семью, когда ему было около четырех лет*. Он рассказывал мне, что был очень привязан к ней и чувствовал боль разлуки, когда их эмоциональная связь разорвалась, однако — хотя его работа и напоминала ему об этой боли — справлялся с ней на протяжении всей своей жизни. Утрата очень важной фигуры привязанности и осознание важности длительных, постоянных отношений стали значительной частью его мотивации для пожизненного исследования эмоциональной связи, формирующейся между ребенком и его главной фигурой привязанности.

Мой отец был квалифицированным врачом, психиатром, психоаналитиком и психологом. Он был удостоен множества престижных наград, включая орден Британской империи (СВЕ), почетные докторские степени и членства в научных сообществах, в том числе звание члена Британской академии, а также множества выдающихся медалей и премий. Но его страстью была наука, и главная причина, по которой он оставил столь долговечное наследие в области психического здоровья младенцев

---

* Его точный возраст на тот момент не был известен; позже выяснилось, что ему, возможно, было около шести лет. *Здесь и далее, прим. авт., если не указано иное.*

Предисловие Ричарда Боулби

и детей, заключается в том, что его труды имели глубокие научные корни. И несмотря на множество дальнейших разработок и критических вызовов его работе, эта книга остается непреходящим свидетельством его успеха как ученого.

Ричард Боулби, 2004

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Взрослые книги:

